

Елена Сазанович

Аукцион (пьеса)

Елена Ивановна Сазанович
Аукцион (пъеса)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155502

Аннотация

Пъеса.

Содержание

Действующие лица:	5
Действие первое	9
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Сазанович

Аукцион

(Трагифарс в 3 действиях)

Действующие лица:

Приемщик

Эмансипатка

Учительница

Бизнесмен

Девушка

Дама (с попугаем)

Попугай

Парень

Обыватель

Пьяница

Приемщик: Я за свою немалую, и не такую уж долгую жизнь (если жизнь вообще можно назвать долгой) все-таки сумел, можно сказать, нашел мужество понять, что не вещи принадлежат людям, а люди вещам. Точно так же как мы принадлежим природе, стране, вселенной, если хотите. Я нашел мужество понять, что мы мало, чем отличаемся от вещей. То же мучительное рождение, та же легкая или не очень легкая жизнь и такая разная смерть. И мы одинаково изнашиваемся и одинаково любим или не любим вовсе, одинаково приручаемся, теряемся в этом мире или просто уходим. Пожалуй, отличие в том, что вещи запросто могут обойтись без людей. А вот люди... Да и жить они в отличие от нас

могут вечно. Они, как правило, переживают нас, вобрав всю информацию о нашей жизни. Наверное, это и называется памятью об ушедших. И хранить эту память – воля каждого. Можно ее запросто и уничтожить, и продать. Чем я здесь и занимаюсь. Я продаю память. И вы знаете, столько охотников купить чужие воспоминания и чужую биографию! А может быть, просто все хотят купить кусочек истории и хотя бы чуть – чуть ей принадлежать. Или вместе с чужой вещью попробовать протиснуться в вечность. Как знать...

Я не знаю, есть ли душа у людей, говорят, есть, но это уже религия. Но я нашел мужество знать, что есть душа у вещей. Это так же верно, как иметь сердце или не иметь. А сердце – это не обязательно когда оно бьется. Ведь удары секундных стрелок мало, чем отличаются от сердечных ударов. (*Берет в руки старинные часы.*) Это часы матери адмирала Нахимова. И сердце его матери давно не бьется. Как и сердце самого адмирала. А часы стучат, возможно, даже лучше чем прежде, поскольку их усовершенствовал новый век. Значит, память живет, значит, они где-то живы. И тысячу раз не прав тот, кто вещи называет бездушными. Ведь они даже могут предчувствовать смерть. (*Берет в руку гитару с оборванной струной, наигрывает.*) Эта струна лопнула в день гибели гусара Федора Потапова. Сердце ее хозяина лопнуло, но память... Пусть и с оборванной струной. Старым гитарам идут оборванные струны. И тысячу раз не прав тот. Кто вещи называет безмолвными. В день рождение

поэта Тютчева заиграла эта шкатулка, в которой заржавели давно все детали (*показывает старинную шкатулку*). А яблоко, упавшее на голову Ньютону разве не предвосхитило гения? А вещи, жонглирующие судьбами, как этот заряженный пистолет (*жонглирует пистолетом*), который так и не выстрелил в голову самоубийце и продлил ему жизнь на три десятка лет и сделал его поэтом. А вещи, проигрывающие судьбы, как эти старинные карты, пустившие по миру не одного английского лорда. Возможно, кто-то назовет это мистикой. Но разве мистика не становится всего лишь словом, когда превращается в реальность. И я в этой реальности живу, и мистика для меня стала всего лишь анахронизмом.

В моей жизни было не так уж много событий. Я жил один и живу один. Меня, слава Богу, миновали муки любви, разочарований и нетерпение счастья. И войны проходили мимо меня, и заключения мира. И землетрясения не сотрясали мой дом, и я не дрался на дуэлях. И никто меня не предавал, потому что я не познал дружбы. И мне предавать было некогда. Но мне почему-то кажется, что я прожил самую яркую из всех возможных жизней. Именно потому, что я жил среди вещей, которые принадлежали другим. И эти другие были самыми яркими личностями. И после них осталась самая яркая память. Повезет ли вам так прожить жизнь? Не свою, тусклую и невзрачную. А чужую, блестящую и героическую. Повезет ли вам сделать ее своей? Ведь моей женой было платье от самой княжны Тарakanовой, моим другом был гусар-

ский мундир от Дениса Давыдова, моими детьми пинетки царевича Дмитрия, моей работой чернила и перо Державина, а моими воспоминаниями – дневники Гиляровского. Но главное, что моим счастьем стало вчерашнее. Я жил вчерашним и умру в прошлом. И поэтому я счастливее всех вас. Ведь вы живете будущим. А оно так страшно, потому что так неизвестно. Я предпочитаю жить тем, что случилось вчера. Прошлое не боится будущего и настоящего. Прошлое вечно. Прошлое – это не надежда на счастье, это само счастье, которое я могу выбирать. И которое вряд ли кто сумеет постичь. Может быть только я? Возможно потому, что память о людях мне дороже людей. Но людей я принимаю. Ведь они эту память сюда приносят, и я могу подержать ее в руках. Пусть недолго, но достаточно для того, чтобы постичь вечность.

(Приемщик распахивает двери, изображая на лице приветливую улыбку).

Добро пожаловать на наш аукцион! Добро пожаловать на продажу памяти и покупку на память!

Действие первое

(В открытую дверь деловым шагом входит Эмансипатка. С брезгливым выражением на лице она держит двумя пальцами старый самовар).

Эмансипатка: Надеюсь, я не опоздала? Безусловно, нет *(оглядывается)*. Как всегда, точно, как часы. И как всегда первая.

Приемщик: Первым быть не так уж и плохо. Жизнь мало, чем отличается от спорта, мадам.

Эмансипатка *(морщась)*: мадмуазель. А что касается спорта. Ну, уж нет. В отличие от спорта, я не желаю к финишу приходить первой. Даже если мне вручат именную медаль.

Приемщик: Но у нас не финиш, мадам. А можно так выразиться – старт! Кто первый продаст. Тот первый и получит.

Эмансипатка: Да уж поскорее бы! Поскорее бы избавиться от этого монстра! *(С грохотом ставит самовар на скамейку и садится поодаль от него)*. Просто возмутительно! Если не сказать – отвратительно! Это в век всеобщей компьютеризации, глобальной автоматизации и модернизации! И вдруг этот пузатый динозавр! Этот ископаемый птеродактиль! Этот пыхтящий дракон! И где?! Нет, вы можете себе только представить, где?! В моем доме!

(Эмансипатка надувается и пыхтит как самовар).

Приемщик: А что, смею у вас поинтересоваться, мадам...

Эмансипатка: Мадмуазель!

Приемщик: Препокорнейше прошу прощения. А что, ваш дом так плох для такой редкой антикварной вещи?

Эмансипатка: Напротив! Слишком хорош! Ну, вы только себе представьте! Стекло, белый пластик, высшая геометрия. Кстати, существует еще низшая. Но на низшее я не согласна. Не зря я запоем читала западные журналы. Не зря столько лет посвятила себя постмодернизму! Моя четкая гостиная в пастельных тонах, подсвеченный лепной карниз, посуда из простого стекла, ничего лишнего, вычурного. Все это придает торжественность и солидность дому. Стекланные плоскости склеены без единого шва, хай-класс технология. И какие пространства! Это вам не какие-нибудь мещанские, загроможденные домишки! Если объяснить более доступно – мой дом это стеклянные белые потолки и черные лестницы. Все.

Приемщик: Мне показалось, что вы сейчас описали номер люкс в дорогой гостинице! Где-нибудь в Таиланде...

Эмансипатка: Именно! Какое точное слово! Ну, безусловно, номер люкс в дорогом отеле! Мое подсознание всегда требовало таких гостиничных пропорций, этого ненавязчивого покоя.

Приемщик (*ежась*): Холодком веет.

Эмансипатка (*обмахиваясь глянцевым журналом*): На-

против, у вас здесь слишком душно.

Приемщик: Но смею спросить, как все-таки в вашем доме дело обстоит с элементарным уютом?

Эмансипатка: Элементарно! Настоящий уют могут дать только гостиничные номера. Всегда живешь с приятным ощущением, что завтра в любой момент можно съехать. Так ни к чему и не привязавшись по-настоящему. Только в гостиничных номерах можно чувствовать себя по-настоящему свободной!

Приемщик: Извините, свободной от чего? От домашнего очага, от любви, от верности? Может быть, счастья?

Эмансипатка: Ради Бога, не выражайтесь при мне! Эти пошлые сентиментальные словечки режут мой слух. Еще скажите, как приятно зимними, снежными вечерами сидеть вокруг самовара всей оравой и дуть на блюдечко с золотой каемочкой. Ужас какой! И это вы посмеете назвать этим непристойным словечком... Ну, как его...

Приемщик: Счастьем, мадам.

Эмансипатка: К счастью, мадмуазель! И именно поэтому я прекрасно живу в номере люкс, который принято называть домом. И именно поэтому я собираюсь избавиться от этого монстра (*еще дальше отодвигает от себя самовар*). Это мои сумасшедшие пратетушки любили за ним чаевничать, этикие матроны в кокошниках, прямо с картины Кустодиева. Кстати именно это чудовище и нарисовал художник. Тоже мне умник нашелся. Напился чаем в Мытищах, а са-

мовар спихнул моей пратетушке-дурочке. Себе, не дурак, не оставил. Теперь его родственнички наверняка балуются эрл грэем из Тефали. А я получается, идиотка! А у меня, между прочим, чайник наверняка лучше ихнего! Скарлетт! Англичанин! А вы бы видели, какой благородный окрас! Серебристый корпус! А какой профиль! Почти греческий! И цена красная! И вдруг какая-то допотопная эра, почти каменный век, может, еще прикажете платочек в горошек повязать и фартук в цветочки? Пусть родственнички Кустодиева повязывают! Это его самовар, вот пускай и забирают! Нет, вы только представьте, насколько бы выиграла картина, если бы художник на ней изобразил электрический чайник! И за ним вполне достойную женщину, с короткой стрижкой и деловом костюме. А на заднем плане как замечательно смотрелся бы компьютер! Вот это я понимаю, вот это был бы шедевр! Новое слово в искусстве! А так! Деревенщина и дешевка! И мне теперь спихивают... Этого птеродактиля... Это просто нетактично со стороны художника, хоть он и великий. Это просто нелогично и не эстетично! И я более вам скажу. Этот огнедышащий динозавр в некотором роде меня компрометирует!

Приемщик (*всплеснув руками*): Неужели, ма... ма...

Эмансипатка: Мадмуазель. Ну, не то чтобы меня. Вы с первого взгляда должны были понять, что моя репутация безупречна. И не поддается ни критике, ни анализу. А на работе я просто незаменима. Руководить мужским коллек-

тивом, это знаете ли, не каждому под силу. Женщин я сразу уволила. Знаете, эти словечки, цветочки, записочки, колготочки... Сюсюканье, улюлюканье. И бесконечные вздохи. Фу! С ума сойти можно. А мужчины представляют собой хорошо организованную в меру молчаливую трудовую силу. И вдруг... Вдруг у меня, руководителя и организатора, эта камфорка! Он, действительно, компрометирует. Если не меня, то мое мировоззрение, мою философию, мое жизненное кредо. И более того – подвергает сомнению мое субъективное я! Ну, скажите, кому я могу открыть дверь своего номера люкс, если на столе будет стоять этот железный монстр! И кто после этого постучит в мою дверь!

(Раздается робкий стук в дверь. Эмансипатка испуганно вздрагивает. Бесшумно входит учительница, смущенно сжимая сумочку в руках).

Учительница: Здравствуйте. Можно?

Приемщик: Почему нет?

Эмансипатка: потому что вы, видимо, ошиблись адресом, гражданочка. *(Презрительно оглядывает ее с ног до головы).* Здесь аукцион дорогих раритетов, а не распродажа секунд-хэнда.

Учительница: Мою вещь принесут позднее, если можно. *(Присаживается на угол скамейки).* Можно?

Приемщик: Почему нет?

Эмансипатка: Потому что можно представить себе эту вещь! Наверняка вторсырье! Там, кстати, направо за углом

комиссионный, а налево магазинчик одной цены. Вы, наверняка, углы перепутали.

Учительница: Да, по началу так и было. Я ошиблась и зашла по ошибке в комиссионный. Но меня направили именно по этому адресу. *(Достает блокнот с адресом, листает страницы)*. Еще такой грубый мужчина, такой полный с красным лицом прямо указал мне на дверь. Бывают же такие люди. Хотя, пожалуй, сейчас почти все-такие. Они почему-то производят впечатление очень довольных жизнью. Разве жизнью можно быть довольным? И они почему то предпочитают, не спрашивая, открывать дверь ногой. Наверно, это удобнее, чем стучать, не зная, захотят ли открыть.

(Толстый краснощекий Бизнесмен широко распахивает ногой дверь. И, довольный собой, уверенно входит. В руках у него пошарпанный табурет, который он небрежно раскачивает за ножку. Учительница испуганно подсакивает на месте).

Эмансипатка: Вспомнишь черта, он тут как тут.

Учительница *(облегченно вздыхая)*: Это не тот черт.

Бизнесмен: Фу! Ну и духотище!

(С грохотом ставит табурет недалеко от места, где сидит учительница. Учительница подпрыгивает от неожиданности и встает, бизнесмен бухается на ее место.)

Бизнесмен: Фу-у-у... Хоть отдышаться можно. *(Смотрит по сторонам)*. Хотя какое там отдышаться! Вот народ! Из-за него никогда воздуха не хватает! Мой девиз – меньше

народу, больше кислороду и кондиционеров. Это я сам придумал. Про кондиционеры (*гогочет*). Кстати. Чего они у вас барахлят? Ну и народ! Такие бабки тут вертятся, можно сказать перетекают из рук в руки, а кондики не пашут!

Учительница: Вещам кондиционеры не нужны. Им воздуха везде хватает. Они не столь привередливы.

Эмансипатка: Просто они глухонемые. И не могут заявить о своих правах. А воздуха всем не хватает, если его нет.

Приемщик: (*включая кондиционеры*). Это вы верно заметили, мада... мадмуазель. Вещи дышат так же, как и люди. А если нечем дышать, они погибают. Впрочем, как и люди.

(*Бизнесмен гогочет во все горло и становится еще краснее*).

Бизнесмен: Ха-ха-ха! Мой несчастный табуретишка, оказывается, еще и дышит! Может он еще и заболтает, славенький? Интересно, на каком языке! А мне все одно! Я ни на каком не рублю! Но представляю, сколько гадостей но на меня выльет! У, сплетник проклятый! (*Замахивается кулаком*). А чего доброго еще донос на меня в прокуратуру сварганит! И тогда уж точно «черный ворон, я не твой!». (*Громко поет*). У-у-у, стукач мерзкий, только попробуй! (*Пнет его ногой*).

(*Учительница мигом оказывается перед табуретом, словно вставая на его защиту.*)

Учительница: А, по-моему, очень милая, трогательная

вещица. Позвольте, я присяду на этот обаятельный табуретик. Здесь мне будет удобнее. *(Робко садится)*. Боже мой! Как приятно на нем сидеть! Как давно я себя столь уютно не чувствовала!

Бизнесмен: Э-ге-гей! Что за привольности вы себе позволяете с моим табуретищем! Что за народ! Сплошное бескультурье! А ну быстро встали!

(Учительница вскакивает, как по команде).

Учительница: Извините, пожалуйста. Я не хотела. Вернее хотела, но только посидеть.

Бизнесмен: Все мы когда-нибудь сядем. Так зачем торопиться? *(Хохочет и вытирает табурет шелковым носовым платком)*. Он конечно никуда не годный, паршивец! На ладан дышит! К тому же нужен моему коттеджу, как собаке пятая нога и один кондиционер! *(Гогочет)* Это я сам придумал, про кондиционер! Всю душу мне вымотал, подлец! С меня уже все дружбаны гогочут. Треплют, нафига я завел это четвероногое в золотых хорамах. Лучше бы уж еще одного бультерьера взял. А у меня и так их три с половиной! А я пока помалкиваю. Чего они понимают? Один я цену этому табуретишке знаю, но держусь, как на допросе. Скажи – так они, как пить дать, умыкнут. Хотя они пацаны хорошие, толковые, но умыкнуть, подлецы, запросто могут. Хотя, если бы раскололся, может, они ничего бы и не просекли. Чего им до того, что на нем сидел какой-то поэтишка. Как его... Ну, волосы – кувырком. Будто и не расчесывался ни разу. *(По-*

казывает).

Эмансипатка (*с иронией*): Пушкин, что ли? Так это вражье! Не сиживал он на табуретах!

Бизнесмен: Ну что за народ! Пушкина я как родного знаю! И почему такая дубовость! Чуть чего – сразу виноват Пушкин! И будто бы он один был поэтом. Знаете, сколько их было еще! А у моего еще глаза такие были, ну, такие (*Выпучивает глаза*), навывкат. И нос похож на одного моего кореша, ну, как у голубя.

Эмансипатка (*с иронией*): Хорошенький!

Учительница: (*откашлившись*): Вообще-то все поэты были вполне симпатичные и приятные люди. А по вашему описанию припомнить такового нереально. Может быть, вы перепутали с каким-нибудь бизнесменом?

Бизнесмен: Чего?! Да бизнесмены один краше другого! Потому что по сравнению с поэтишками почти не пьющие! Им не стишки, а денюгу нужно заколачивать. А для деньги нужна ясная голова, а не дурноватая, как для стишат. Да ладно! Сидел он на этом табуретишке и сидел! Мне то чего! А фамилию я скоро припомню. Так вы все и ахнете! Хотя народ пошел бескультурный. Только Пушкина и рубят. На табурете моем можно сказать, гений сидел, а они в своих обносках пытаются примоститься в вечность, так сказать. Если хотите знать, я еще дороже его спихну, чем он того стоит. Потому, как и я сам на нем сиживал! И не раз! А моя фамилия может дороже той стоит! Вот так! И не глядите, что

он такой невзрачный, его можно бархатом обить, а можно и вовсе сиденье сварганить из оргстекла, а ножки – из титана. Так ему цены не будет!

Эмансипатка: Я вас прекрасно понимаю! И почему дорогие вещи иногда так дешево выглядят?

Приемщик: Память не может выглядеть дешево. Она всегда дорога. Только не всякая вещь может стать памятью. Это уже зависит от человека.

Эмансипатка: Я предпочитаю гармонию. Дорогому человеку должна достаться дорогая вещь на дорогую память. Но почему эта гармония не случилась со мной? Нет, чтобы вместо этого пузатого монстра (*показывает брезгливо на самовар*) Кустодиев подарил моим пратетушкам хотя бы картину, где он изображен. А еще лучше картину, например, Малевича или Кандинского. Наверняка их у него в коллекции было достаточно!

Бизнесмен: Кого-кого? Еще чего не хватало! У меня этих картинок полон дом! Стен скоро не хватит, придется расширять. На табуретке хоть посидеть когда можно, так, для прикола, для этого... ретро. Хотя моя заветная мечта вместо табуретишки трон заполучить! Это я понимаю! Красный, бархатный, с золотыми ручками, как раз подстать моему лепному потолку с золотыми узорами и красным бархатым занавескам! Вот это да! Это была бы вещь! Я бы и сам на нем вечерами сживал с бутылочкой виски, было бы здорово если бы он еще и качался – туда-сюда, туда-сюда... Ну

это можно самому сделать, привинтить какую ерундовину, он и закачается. А в какой добрый вечерок и королеву можно в него усадить. Хотя на фига мне королева! (*Хохочет*) Все королевы дряхлы, как моя табуретка. Лучше принцессу, молоденькую, как вино в моем баре. Эх, как бы ее румяные бархатные щечки смотрелись на фоне бархатного трона!

(Распахивается дверь и входит Девушка, молоденькая, красивая и дорого одетая. Вслед за ней рабочие вносят красный бархатный трон. Немая сцена. Рабочие ставят трон в центре. И уходят. Все провожают их удивленными взглядами).

Бизнесмен *(с благоговением подходит к трону, гладит его спинку, сиденье, ручки):* Вот это я понимаю! Вот это вещь! Мечта моей трудной жизни, так сказать! А какой благородный корпус! А какая нежная бархатная кожа! А какие утонченные ручки! *(Попеременно смотрит то на трон, то на девушку).* Золотая вещь! Да... За такую я бы не поскупился! *(Обнимает спинку трона, не отрывая глаз с девушки).* Эх, разве такое представишь! Мерцание свечей, переливание витражей, наполненный бар, и только мы. Только мы... Наедине. Вместе. Так близко друг к другу. *(Видит недовольное лицо девушки)* Гм... Ну, с этой вещью *(Прижимается к трону).* Ну, и сколько стоит это удовольствие, прекрасная незнакомка?

Учительница: Может я и не прекрасная, хоть тоже незнакомка. И к тому же это мое удовольствие. И стоит оно

недешево. Но у вас, наверное, денег хватит. Вы всегда так довольны жизнью.

(Все поворачивают недоуменные взгляды в сторону учительницы. Девушка садится на лавку, небрежно снимает перчатки и, забросив ногу за ногу, и изящно прикуривает сигарету.)

Бизнесмен *(сплевывая)*: Тыфу ты, опять невезуха! И на старуху бывает прореха!

Эмансипатка *(хохочет)*: Да уж, воистину несправедлив мир! Такая дорогая вещь и в таких дешевых руках!

Приемщик: Вы хотели сказать, такая праздная вещь и в таких натруженных руках. Но всему свое время. И время всякой вещи под небом.

Бизнесмен: Небо слишком огромно для одной вещи. А вот моему коттеджу трон как раз по размеру. Должно же наступить время, когда он заслужит крышу, которую достоин. Все по справедливости! Каждому коню своя упряжка и свой кондиционер! *(Хохочет)*. Сам сочинил, про кондиционер. Потому как вещь должна быть похожа и на дом, и на хозяина. *(Обращается к учительнице)*. Только не врубаюсь, вы то тут при чем? *(Ненароком усаживается на трон)*.

Учительница *(смущаясь)*: А я и не при чем. При чем оказалась моя прапрабабушка. Между прочим, она была красавицей и примой Александринского театра, правда из крепостных. А какой у нее был голос! Божественный! Она пела, как соловушка, голос переливался разными красками, зве-

нел как ручеек.

Бизнесмен (*хохочет*): Вы, я вижу, хорошо помните свою прапрабабку! Не мудрено, глядя на вас!

Учительница: Это не я помню, это книги помнят, мемуары Павла Войновича Нащокина, который ей покровительствовал. И, кстати был другом самого Пушкина. И этот трон, за ней дирекция театра оставила, из театрального реквизита, поскольку очень ценила ее таланты. Но сделан он на совесть, точная копия трона императора.

Бизнесмен: Всего лишь копия? Ну да ладно, кто теперь разберет, копия он или нет? Мои дружбаны на слово верят, они ребята доверчивые, как дети, душа нараспашку. Запросто поверят, что на нем сживал сам император, а не ваша сомнительная прапрабабка, с которой вы, к тому же оказались ровесницы. И которая почему-то завещала его вам.

Учительница: Думаете, меня он не тяготит? Вы себе представить не можете, насколько он неудобен в моей квартире и насколько мне неудобно. Я ведь в хрущевке живу. Излишней мебели я не люблю. Да и недешевая она нынче. Впрочем, я не переживаю по этому поводу. У меня все хватает для жизни, диванчик, стол и конечно книги. И вдруг, так некстати, в центре – бархатный трон. Комнатка крохотная, а он всю ее и занимает. А мне книги уже некуда ставить, на полу лежат. А это так неуважительно по отношению к ним. Знаете, (*мечтательно*) если его убрать... Я бы еще один книжный шкафчик купила. Я даже приглядела в

магазине недалеко от своего дома. Аккуратненький такой, небольшой, но очень вместительный. И сосной пахнет. Такой приятный запах! Я бы сидела вечерами с книгой в руках, на диване. Нет! Лучше вот на таком табуретике, а за окном дождь. Нет! Лучше падает белый пушистый снег. И на плите кипит чайник. Нет! Лучше вот такой самовар. И на магнитофоне звучит божественный голос Шаляпина. Нет! Хотя я очень люблю Шаляпина. Лучше все же старенькая пластинка Вивальди. Я купила ее, когда была совсем молоденькой и была тоже, да тоже очень довольна жизнью и, кажется, была влюблена, и на мне было совсем новенькое платьице в синий горошек. Это была пластинка «Времена года». Сколько уже сменилось моих времен года... И любят уже совсем другие и совсем других. А пластинка все та же и платьице все еще висит в шкафу, почти новое. И вот в такие вечера я бы слушала Вивальди. А кругом ароматы леса. Которыми пахнет мой шкаф. Это же просто чудесно! Получается, я за одну цену могу купить и книжный шкафчик, и запах сосны. Я уже на него и денег скопила, пару лет откладывала. И, наконец... Мне кажется, моя мечта совсем скоро сбудется. Еще чуть-чуть. Потерпеть совсем малость. Я ведь столько ждала... Вы меня понимаете?

(Эмансипатка презрительно усмехается, Бизнесмен смеется в ладошку, Девушка опускает глаза, Приемщик утвердительно кивает).

Учительница: А иногда бы ко мне приходили приятель-

ницы. И мы бы говорили вот такими морозными вечерами за самоваром о литературе, искусстве, и, конечно, музыке. Что может быть прекраснее музыки. И запаха сосны? Но, к сожалению, мою жизнь и мои мечты портит бархатный трон. Я пока не могу даже никого пригласить к себе в гости. Вышел бы неприятный конфуз. Кто бы поверил, глядя на трон, что я обожаю музыку и искусство? Это же просто смешно!

Эмансипатка: Это не просто смешно! Это нелепо и глупо!

Учительница: Я и не сидела на нем никогда. (*Обращается к бизнесмену*) Скажите, пожалуйста, он хотя бы удобный?

Бизнесмен (*показывает большой палец*): Во!

Учительница: А мне вот табуретик ваш приглянулся. Уютный такой, домашний, и тоже лесом пахнет... Чуть-чуть. Он бы так гармонировал с моим книжным шкафчиком. (*Робко садится на краешек табурета, он вызывающе скрипит, она испуганно вскакивает*).

Бизнесмен: Но-но! Не ломайте раритет! Он покудава не ваш. (*Сам вместе с троном пододвигается к девушке, целует ей руку.*) В вашей изящной сумочке, надеюсь, не рукавица деревенского ямщика? Некрасова читали-с? Столь изысканной ручке она бы точно не подошла. (*Берет из ее рук тоненькие перчатки и благоговейно вдыхает их аромат*).

Девушка: Нет, у меня все гораздо проще. Там совсем другая вещь. И с моей столь изысканной ручкой она впол-

не гармонирует. А Некрасова я проходила по школьной программе.

Бизнесмен: Так я и думал! Нам Некрасовы не подходят! (*Смеется*) Мы же не ямщики! Наверняка у вас браслетик какой-нибудь фрейлины при царском дворе. А может и самой царицы! Я вас так и вижу, прекрасная незнакомка! В белом воздушном платье и атласных башмачках! Вы легко взмахиваете тоненькой ручонкой, и браслетик переливается всеми цветами радуги!

Девушка: А вы поэт.

Бизнесмен (*смущаясь*): Ну не совсем. Зато у меня есть табурет от поэта. Он сиживал на нем и чиркал свои стишата.

Эмансипатка: На табурете творить неудобно. Скорее он на нем кушал. Или пил.

Учительница: Для настоящей поэзии удобства необязательны. Напротив, порой они только мешают. Нужно гораздо большее.

Бизнесмен: Реклама, что ли?

Эмансипатка: А вы правы, реклама не помешает. Хотя еще нужен такой пустячок, как талант.

Девушка: И еще такой пустячок, как сердце (*стучит по груди*). Хотя реклама не помешает.

Бизнесмен (*перехватывает руку*): Ваше сердце в рекламе не нуждается. Я и так слышу, как оно стучит. Тук-тук, тук-тук. А вот ваши прелестные ручонки разрекламировать не помешает. Не томите нас, прекрасная незнаком-

ка. Откройте сумочку, покажите ваше сокровище. Возможно, именно я у вас его куплю, чтобы вам подарить.

Учительница: *(в сторону):* И вновь купить, но уже вместе с девушкой.

Эмансипатка: Неплохая сделка.

Девушка: И правда, купите?

Бизнесмен: Слово делового человека, у которого в роду был гениальный поэт.

Эмансипатка: А остался один шарпанный табурет.

(Девушка достает из сумочки маленькую флейту. Прижимает ее к губам, словно собираясь заиграть. Но не играет.)

Девушка: Ну и как, купите?

Бизнесмен: Эту дудку! Да ни за какие бабки! Вы что, прикалываетесь надо мной!

Девушка: А как же слово бизнесмена и чуть-чуть поэта?

Бизнесмен: Но не пастуха же! Пусть покупает тот, кому коров пасти. А мне коровы не к надобности. У меня бультерьеров предостаточно. К тому же знаете, сколько на одну корову приходится кондиционеров? *(Считает, загибая пальцы.)* Это высшая математика, а не трали-вали на дудке. Теперь я врубаюсь, чего вы от нее желаете побыстрее избавиться. От браслетов вам избавляться не к лицу. Ручонки ваши, поди, к другому попривыкли.

(Учительница приближается с благоговением к Девушке и протягивает руки.)

Учительница: Боже, какая прелесть! Я узнала ее! Это же флейта пикколо! Самая маленькая флейта и звучит октавой выше. *(Осторожно берет в руки)*. Как теперь помню, полутемный зал консерватории. Восторженная тишина. Мягкий свет рампы рассеивается по лицам музыкантов и останавливается на флейте пикколо. И звучит божественная музыка. Сам маэстро играет на ней тему белки, грызущей золотой орех из оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». Пам-парам, пам-парам, пам... *(Напевает)*.

Бизнесмен: *(громко перебивая ее)*: Это что ли? «Во саду ли, в огороде, бегала собачка»...

Учительница: Что вы! Вот эту.

(Играет на флейте. Все заворожено на нее смотрят. Она хорошеет, смущается и отдает флейту девушке.)

Учительница: Зачем вы продаете музыку? Я лишь вас увидела, все про вас поняла. Эта девушка незаурядна. Она наверно художник или музыкант. Эти длинные тонкие пальцы, эти выразительные глаза, этот высокий благородный лоб. Я редко, поверьте, девушка, редко ошибаюсь. Учителя вообще редко ошибаются, слишком им много приходится исправлять чужих ошибок, чтобы оставалось время на свои. А учителя музыки и подавно. Ведь музыка не обманывает. У нее для этого нет слов. Только музыкант может обмануть. Но вы не из тех, правда? Зачем вы продаете музыку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.